

На правах рукописи

Скрипник Алена Владимировна

**ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОН ПОВЕСТИ
«ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО» Н.В. ГОГОЛЯ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2008

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Янушкевич Александр Сергеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Еремеев Александр Эммануилович

кандидат филологических наук,
Владимилова Татьяна Леонидовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет»

Защита состоится «25» июня 2008 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Автореферат разослан «__» мая 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Л.А. Захарова

Общая характеристика работы

Современные философы и литературоведы, такие, как Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Барт, Ю. Кристева и другие теоретики рецептивной эстетики, говорят о необходимости рассмотрения произведения в большом историко-литературном контексте эпохи. По их мнению, произведение становится знаком этой эпохи, т.к. она неизбежно накладывает на него свой отпечаток, и, прежде всего, в историческом и социально-культурном аспектах. Понятия контекста, интертекста, сверхтекста, вошедшие в категориальный аппарат филологической науки, таких ее отраслей, как рецептивная эстетика, семиотика, феноменология, историческая поэтика обострили новое прочтение отдельного произведения как семиосферы, проявляющей и выявляющей себя в большом контексте времени. Уподобление человеческой культуры тексту, нуждающемуся в расшифровке, привело к восприятию ее как единой интертекстуальной семиосферы, которая служит предтекстом любого появляющегося текста, т.к. содержит в себе знаковые культурно-литературные коды. Каждый текст становится интертекстом в той мере, в какой он содержит более или менее узнаваемые формы: обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом – все они поглощены текстом и перемешаны в нем. Такие заимствования (явные либо неявные) Р. Барт называет «цитатами без кавычек».¹ Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все уже было сказано, и создать что-то новое возможно лишь путем смешения старого для получения новых комбинаций. Проблема интертекстуальности не может быть сведена только к поиску источников; она лежит в основе рассмотрения общественно-литературного фона, а, следовательно, и семиосферы произведения. Эти два понятия взаимосвязаны в контексте нашего исследования.

В этом отношении небольшая по объему гоголевская повесть «Записки сумасшедшего» – «томов премногих тяжелее». Еще Андрей Белый ген «Записок» просмотрел в общем повороте русской культуры к гоголизму и увидел его в «лоскутном одеяле» раннего Достоевского, в «словесных ходах» и парадоксах Сологуба, в двойниках Блока, в петербургских бредах самого автора «Петербурга», в гротесках и гиперболах Маяковского.² О всемирно-историческом происхождении «Записок сумасшедшего» и о том, что они – суть исторические «записки» об узловом моменте в истории русского государства размышлял Л.В. Пумпянский.³ Михаил Вайскопф справедливо говорил о «космическом бунте» гоголевского героя и возводил традицию «Записок» к большому контексту мировой философской и словесной

---

¹ Об этом см.: Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С.413-423.

² Об этом см.: Белый А. Мастерство Гоголя. – М.-Л., 1934. – Гл. 5.

³ Пумпянский Л.В. Классическая традиция. – М., 2000. – С. 332, 334.

культуры.¹ О вхождении традиции «Записок сумасшедшего» в русскую культуру послереволюционной эпохи и об их «всечеловеческой отзывчивости» в последнее время говорил А.С. Янушкевич.² И подобные суждения закономерны: пространство «Записок сумасшедшего» не департамент, не Петербург, а весь мир, весь космос, вобравший в себя идеи «всечеловеческой отзывчивости».

Пространство общественно-литературного фона в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя организует семиосфера безумия, являющаяся знаковой для всего произведения. Семиосфера – неразложимый работающий механизм – единица семиозиса – все присущее данной культуре семиотическое пространство, вне которого немислимо существование любого отдельного языка. Все семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм.³ Значимой характеристикой семиосферы становится деление на ядро и периферию. В ядре располагаются доминирующие семиотические системы. В «Записках» ядерными семиотическими системами являются жанровая характеристика, особенности нарратива, проблема героя, испанская тематика и зооморфизм. Периферийные семиотические образования могут быть представлены не замкнутыми структурами (языками), а их фрагментами или даже отдельными текстами. Выступая в качестве «чужих» для данной системы, эти тексты выполняют в целостном механизме семиосферы функцию катализатора. С одной стороны, граница с чужим текстом всегда является областью усиленного смыслообразования. С другой, любой обломок семиотической структуры или отдельный текст сохраняет механизмы реконструкции всей системы.⁴ В «Записках сумасшедшего» периферийные уровни (гамлетизм, связь с «Дон Кихотом», тема инквизиции) позволяют полнее раскрыть проблему самосознающего героя и окружающего его абсурда российской действительности.

В контексте «Записок сумасшедшего» семиосфера безумия трактуется нами как то широкое культурное пространство (прямо или косвенно связанное с проблемой безумия), с ориентацией на которое создавалась повесть. Язык описания этой семиосферы становится естественно язык сумасшедшего чиновника, способного наиболее точно передать атмосферу абсурда, царящую в России 1830-х годов. «Записки» – художественный текст, определивший эстетическое развитие времени, с точки зрения отражения в нем петербургского текста, проблемы сумасшествия, общественно-исторических фактов, испанской тематики, проблемы абсурда

---

¹ Об этом см.: Вайскопф М. Беглец и судья // Вайскопф М. Сюжет Гоголя. – М.: Радикс, 1993. – С. 267-304.

² Янушкевич А.С. «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя в контексте русской литературы 1920 - 1930-х годов // Поэтика русской литературы: К 70-летию Ю.В. Манна. – М., 2001. – С. 193 – 212.

³ Об этом см.: Лотман Ю.М. Семиотическое пространство // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 163-174.

⁴ Об этом см.: Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 163-174.

русской действительности. В нашем исследовании мы попытаемся понять, как этот текст существует в большом пространстве культуры.

В таком контексте семиосфера произведения включает в себя и пространство общественно-литературного фона, под которым мы понимаем тот комплекс философско-эстетических воззрений и исторических фактов, который в той или иной форме нашел отпечаток в контексте «Записок» и произведений, так или иначе связанных с ними, имеющих общие мотивы и образы, либо оказавших влияние на их автора, а также материалы журналистики и русской общественно-философской мысли, определившие связь гоголевского текста с идеями времени. О том, что идеи гоголевских произведений, такие, как идея сумасшествия, носились в воздухе, говорит В. Гиппиус в книге «Гоголь» (глава «Миссия комического писателя»)¹.

В основе нашего понимания общественно-литературного фона повести лежат работы «Исторический фон «Выстрела» Л.П. Гроссмана и «Натуралистический гротеск: Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» В.В. Виноградова. Несмотря на, казалось бы, локальность поставленной проблемы, статья Гроссмана стала важным этапом в становлении русской рецептивной поэтики. Исследователю удалось всесторонне раскрыть значение исторического фона для образной системы пушкинской повести. Работы В.В. Виноградова (а здесь, кроме указанной, хотелось бы упомянуть и статью «О литературной циклизации: по поводу «Невского проспекта» Гоголя и «Исповеди опиофага» Де Квинси») имели принципиальное значение для определения самого понятия «литературный фон». Исследователю удалось показать, как «литературная атмосфера 20 – 30-х годов была насыщена «носологией»². Материалы газет и журналов, переводы Стерна, медицинские известия о достижениях ринопластики, анекдоты и каламбуры «носологического» характера, «опиумный сюжет» французской неистовой словесности, – для Виноградова та общественная и эстетическая атмосфера, в которой рождались фантастические сюжеты гоголевских повестей. Сюжетные конструкции этих произведений предполагают, «сложный смысловой контекст литературной и внелитературной продукции эпохи и «разные формы художественной ориентации Гоголя на предшествующие литературные традиции»³.

Гоголевские «Записки сумасшедшего» – текст, обнаруживающий характерные особенности своего времени, его идеи и в то же время проявляющий специфические черты «форм времени» в области жанра, нарратива, форм выражения авторского сознания. «Записки сумасшедшего» – больше, чем текст: это та поэтическая семиосфера, которая сконденсировала в себе характерные моменты русского историко-литературного процесса

---

¹Об этом см.: Гиппиус В. Миссия комического писателя// Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В. Гоголь. – СПб.: Логос, 1994. – С.75.

²Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. – М., 1976. – С.5.

³Виноградов В.В. Указ. соч. – С.43.

1830-х годов и заложила генетические основы той традиции, которая оказалась жива на протяжении последующего периода всей русской словесной культуры – от экспериментов представителей натуральной школы, «Записок из Мертвого дома» и «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского, «Записок сумасшедшего» Л.Н. Толстого и «Палаты № 6» А.П. Чехова до прозаических опытов Замятина и Платонова, Булгакова и Каверина, до поисков современных постмодернистов. Концепция русского безумия и абсурда и их личностное переживание самосознающего субъекта – вот то, что было заложено и поэтически выявлено в гоголевском произведении и что получило свое развитие в русской словесной культуре как историко-литературный фон и литературная традиция.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена интересом современной филологической науки к проблеме диалога культур в аспекте теории текста, выявления его рецептивных и семиотических возможностей. Кроме того, диссертация, посвященная изучению историко-литературного фона «Записок сумасшедшего», актуализирует проблему современного прочтения творческого наследия Гоголя.

Отбор материала детерминирован самой повестью. Исследуемый материал можно разделить на следующие группы:

- 1) произведения Н.В. Гоголя;
- 2) произведения В.Ф. Одоевского, А.С. Грибоедова, Е.А. Баратынского, И.В. Киреевского, О.И. Сенковского, И.А. Крылова, А. Погорельского, П.Я. Чаадаева, а также материалы журналистики, составляющие литературное окружение «Записок», оказавшие прямое или косвенное влияние на Гоголя, либо созданные параллельно с его повестью. К этой же группе относятся и произведения европейской литературы, отголоски которых также слышны в «Записках»: «Гамлет» У. Шекспира, «Дон Кихот» и «Новелла о беседе собак» М. де Сервантеса, «Житейские воззрения кота Мурра», «Известие о дальнейших судьбах собаки Берганца» и «Эпизод из жизни трех друзей» Э.-Т.-А. Гофмана;
- 3) произведения писателей натуральной школы: Е.П. Гребенки, И.И. Панаева, А.И. Герцена, А.Д. Галахова, материалы журналистики конца 30-х – начала 40-х годов;

Круг материалов, легших в основу предлагаемой работы, определен **целями** исследования:

- 1) рассмотреть специфику повести Гоголя путем выявления основных признаков семиосферы безумия, лежащей в основе сюжетно-семантической организации произведения;
- 2) охарактеризовать общественно-литературный фон повести, проследив трансформацию и функционирование традиции «Записок сумасшедшего» в литературе 30-40-х годов XIX века.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка показать значимость «Записок сумасшедшего» для

формирования эстетического мышления литературы 30-40-х годов XIX века. Ставшая уже избитой фраза «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» значительно умаляет то значение, которое имели для дальнейшего развития литературы, и прежде всего, натуральной школы, другие произведения Гоголя, в том числе и «Записки». Это повесть, уникальная для гоголевского творчества, в ней впервые показано рефлектирующее сознание «маленького человека», способного к самоанализу и самопознанию. И это сознание получает свое выражение в такой же уникальной для Гоголя форме – «клички из записок», не имеющей более аналогов в творчестве писателя. Повесть становится первым шагом на пути к антропологизму натуральной школы, недаром Макар Девушкин в «Бедных людях» Достоевского, категорически не приемля «Шинель», ничего не говорит о «Записках сумасшедшего», возможно, чувствуя духовное родство с их героем.

Научные результаты исследования:

1. Впервые системно рассмотрена проблема общественно-литературного фона «Записок сумасшедшего» 30-40-х годов XIX века;
2. установлено, какие общественно-исторические факты и произведения всемирной литературы оказали наибольшее воздействие на художественно-эстетическое сознание Гоголя в период работы над повестью;
3. выявлены характерные черты семиосферы безумия, которые нашли отражение в произведениях, составляющих литературный фон «Записок» 1830-х годов;
4. проанализировано дальнейшее развитие и взаимосвязь традиции записок самосознающего героя с антропологизмом натуральной школы.

Методологические принципы исследования. Основными методами, использованными в диссертации, стали:

- герменевтический метод, связанный с проблемой интерпретации литературного текста;
- культурно-исторический метод, предполагающий включение объекта исследования в общекультурный контекст с целью выявить традиции и определить место повести в контексте эпохи;
- структурно-семиотический метод, позволяющий сконструировать семиосферу безумия и выявить ее основные черты;
- сравнительно-типологический метод, с помощью которого проводилось сопоставление повести Гоголя с произведениями, составляющими литературный фон повести.

Методологический фундамент диссертации определили труды А.Н. Веселовского, Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина по рецептивной эстетике и феноменологии литературы, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, М. Фуко, Р. Барта, П. Рикера, Р. Ингардена, Ю.М. Лотмана по теории текста и семиосферы, Л.П. Гроссмана и В.В. Виноградова, посвященные исследованию историко-литературного фона произведений, труды гоголеведов XX века, обращавшихся к повести Гоголя, прежде всего, Л.В. Пумпянского, В.В.

Гиппиуса, А. Белого, Г.А. Гуковского, Ю.В. Манна, В.М. Марковича, О.Г. Дилакторской, С.А. Гончарова, Е.И. Анненковой, В.В. Прозорова, В.Ш. Кривоноса, И. Золотусского и др.

Практическое значение работы обусловлено возможностью использования ее материалов при чтении общих лекционных курсов и разработке специальных курсов по истории русской литературы XIX века, а также при составлении комментариев к текстам Н.В. Гоголя и других авторов.

Апробация работы. Основные положения исследования были отражены на студенческо-аспирантских научных конференциях (Москва, Санкт-Петербург, Томск, Новосибирск, Красноярск, Анжоро-Судженск 2006-2008), обсуждались на заседаниях спецсеминара А.С. Янушкевича, аспирантского семинара кафедры русской и зарубежной литературы ТГУ. Содержание работы отражено в 14 публикациях.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. «Записки сумасшедшего» обладают уникальной семиотической структурой, репрезентативной для рассмотрения общественно-литературного контекста повести.

2. Форма «клочков из записок», унаследованная от Гофмана и преобразованная Гоголем, становится способом самовыражения прозревшего рефлектирующего сознания «маленького человека» и находит свое развитие в творчестве Одоевского, Гребенки, Герцена, формирует новые нарративные стратегии.

3. Автобиографическая проза – трансформация формы «записок» в творчестве Герцена и Галахова, путь к формированию национальной антропологической философии.

4. Гоголь кардинально меняет представление о сумасшедшем герое: уже не «гениальный безумец» (как того требовала традиция немецкого романтизма и, в частности, произведения Гофмана, популярные в России в 20–30-х годах XIX века и оказавшие значительное влияние на «Записки»), а обыкновенный человек становится способным к прозрению через сумасшествие как оригинальной формы «возвышения и расширения души».

5. Бегство героя в миражный мир становится одним из способов обретения прозрения и получает свое развитие в творчестве Одоевского, Баратынского, Киреевского и представителей натуральной школы.

6. Испанская тематика в общественно-историческом контексте эпохи является формой выражения абсурдности российской действительности и определяет «всемирное пространство» повести и «всечеловеческую отзывчивость» гоголевского героя.

Структура работы обусловлена раскрытием заявленной темы, поставленными целями. Диссертация состоит из введения, трех глав,

заключения и списка литературы, включающего 283 наименования. Общий объем исследования 227 с.

Основное содержание работы

Во *введении* аргументируется актуальность темы, раскрывается степень ее разработанности, дается историографический обзор, определяется научная новизна и научные результаты исследования, обосновываются его цели, методы и методологическая основа и формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Семиосфера «Записок сумасшедшего» посвящена анализу семиосферы безумия. В центре ее находится рефлектирующий герой, чье самосознание, получившее воплощение в форме «записок», организует структуру семиосферы, которая имеет несколько уровней: жанровая характеристика, особенности нарратива, зооморфизм, специфика героя, испанская тематика – ядерные уровни и связанные с ними периферийные: гамлетизм, связь с Дон Кихотом, тема инквизиции. Выделенные уровни легли в основу всей работы, являясь той особенной культурно-исторической средой, в которой шло освоение и дальнейшее развитие традиции «Записок сумасшедшего» в литературе 1830–1840-х годов.

В разделе *1.1. «Процесс вызревания замысла «Записок сумасшедшего»* освещается история создания повести, различные варианты трактовки первоначального заглавия и связь «Записок» с другими произведениями, помещенными в «Арабесках». Процесс вызревания замысла повести тоже может стать одним из способов характеристики семиосферы безумия, т.к. дает возможность проследить за ходом мысли Гоголя и понять причины переосмысления им образа главного героя. Анализ культурно-исторических предпосылок возникновения повести, изучение ее в контексте эпохи и других произведений расширяет сферу исследования, вводя в анализ рецептивный аспект.

Унаследовав традицию «клочков из записок» из немецкого романтизма, Гоголь первоначально хотел сделать своего героя «гениальным безумцем», сумасшедшим музыкантом (если следовать версии Н.С. Тихонравова), что в контексте «Арабесок», посвященных размышлениям об искусстве и истории, было бы вполне уместно. Однако есть и другой вариант прочтения заглавия, предложенный В.А. Воропаевым и И.А. Виноградовым – «Записки сумасшедшего мученика». Представляется, что этот вариант и с точки зрения общего смысла, и текстологически недостаточно убедителен. Постепенно отходя от романтической традиции, Гоголь делает своим героем простого чиновника, который, несмотря на свою «неизбранность» и «обыкновенность», все же оказывается способным к прозрению и обретению самосознания. Понятие «сумасшедший» без определяемого слова («музыкант», «мученик», «художник») обретает всечеловеческую прописку,

входя в большое пространство человеческой жизни вообще и петербургский мир в частности.

Используя сюжеты и образы из неоконченных и неосуществленных драматургических замыслов, Гоголь создает повесть, написанную в форме записок и демонстрирующую постепенное «пробуждение» героя, уже не «гениального безумца», а чиновника, или в еще более широком толковании – сумасшедшего человека, обретшего свое духовное поприще. В этом смысле становится значимой фамилия героя – Поприщин – человек, оставивший служебное, земное поприще ради духовного, небесного. Процесс формирования замысла отражает путь Гоголя от романтического восприятия безумия как прозрения гения к изображению безумия как расширения души героя, обретению им духовного поприща.

Раздел **1.2. «Специфика жанра «записок» в «Записках сумасшедшего» Гоголя»** посвящен выявлению особенностей жанра «записок» в повести Гоголя. Несмотря на отсутствие четкого канона, этот жанр имеет множество вариаций и может вбирать в себя другие жанры, но при одном условии: в центре всегда должен быть автор записок – как правило, это самосознающий герой, от лица которого ведется повествование.

Гоголь выносит жанровое определение своей повести в заглавие – «Записки сумасшедшего». Однако, несмотря на малый объем, повесть полисемантическая, и нельзя точно определить жанр, к которому она относится. Это одновременно и записки, и дневник, и исповедь, и проповедь, и своеобразный «травелог души». Делая своим героем вымышленного персонажа, Гоголь полностью отдает повествование в его руки, доверяя ему описание процесса своего прозрения. Впервые Гоголь не только наделил героя «геном рефлексии» (как это было в других «Петербургских повестях»), но и позволил стать творцом своей автобиографии. Репрезентативной для этой цели является форма «записок», становящаяся полижанровым образованием и позволяющая наиболее точно и полно передать рефлексию главного героя.

Кроме того, повесть содержит и вставной эпистолярный элемент – письма Меджи. Синтетическая природа жанра выявляет полисемантизм смысла и вместе с тем определяет жанровую доминанту – самосознающую личность «маленького человека». Маленький большой человек становится объектом авторской рефлексии.

В разделе **1.3. «Особенности нарратива и зооморфизм Гоголя»** выявлена специфика нарраторов в «Записках сумасшедшего». Нарративная типология «Записок сумасшедшего» представляет собой следующую систему. Повествование ведется от первого лица, без какого-либо вмешательства со стороны автора. Поприщин выполняет двойную функцию: рассказчика и действующего лица, участника событий, происходящих в мире художественного произведения. Вся повесть представляет собой рефлексию героя, однако включает еще одного рассказчика – Меджи. «Переписка

собачек», графически выделенная и идущая от Сервантеса и Гофмана, обладает своей, отличной от поприщинской, повествовательной структурой. Меджи является повествователем во вставной эпистолярной конструкции, а в тексте повести имеет место цитирование ее дискурса Поприциным. Объединение эпистолярной формы и записок сумасшедшего важно для понимания нарративной природы произведения. «Переписка» приобретает значение самостоятельного сюжета, который можно обозначить как «собачий сюжет». Зооморфизм становится одним из значимых мотивов в творчестве Гоголя. Этот мотив в виде образов, реминисценций и ассоциаций во многом формирует мирообраз писателя.

Всю повесть можно назвать внутренним дискурсом героя или солилоквием, выраженным в форме записок. Внутренний дискурс Меджи передается эпистолярной формой. «Переписка» входит в повесть на правах «текста в тексте». Природа мирообраза повести связана с семантикой «собачьей темы». Существующие в русской транскрипции понятия «собачья жизнь», «ломать собачью комедию», на наш взгляд, определяют характер соотношения собачьего и человеческого начал в гоголевской повести. Оппозиция «собачье» – «человеческое» – еще один существенный ракурс проблемы. Собаки предстают двойниками людей, демонстрирующими их пороки и образ жизни. Можно выделить два основных сопоставления: Софи – Меджи и камер-юнкер – Трезор. Кроме того, Поприцин и Его Превосходительство также имеют своих двойников.

Таким образом, собачьи образы в повести становятся полисемантическими. Являясь двойниками людей, они демонстрируют их пороки. Письма Меджи служат толчком к прозрению и безумию Поприцина. Собаки актуализируют аспект «собачьей жизни» и «собачьей» комедии, которую ломает герой. Оба пласта нарратива (собачий и человеческий) складываются в целостный текст повести, становятся метатекстом, необходимым для понимания замысла Гоголя. Усваивая различные традиции (гофмановскую форму «клочков из записок» и сервантесовскую беседу собак), Гоголь создает свой оригинальный синтез.

Раздел *1.4. «Проблема сумасшествия и прозрения героя в связи с испанской тематикой»* посвящен рассмотрению структуры образа Поприцина, в основе которого заложены два понятия: дурак и сумасшедший; прослежен его путь от чиновника служебного поприща к человеку духовного поприща, обретшему человеческую отзывчивость. Семиосфера сумасшествия в контексте «Записок» имеет достаточно сложную структуру: она является частью еще более сложного и многоуровневого образования – семиосферы Петербурга. Ядро семиосферы сумасшествия составляют следующие компоненты: жанровая характеристика, особенности нарратива, тип героя и связанная с ним проблема сумасшествия, включающая в себя следующие уровни: две грани понятия безумия: дурак, сумасшедший; специфика честолюбия героя, прозрение и самопознание. Периферийными

становятся следующие уровни проблемы: испанская тематика, связь с «Дон Кихотом» Сервантеса, гамлетизм и религиозный аспект сумасшествия (юрродство).

Синтез обозначенных понятий и составляет структуру образа Поприщина. Прозрение и сумасшествие героя происходит на фоне испанской тематики, с которой связана тема миражного существования гоголевского героя. Здесь возникают периферийные семиотические уровни: связь с Дон Кихотом Сервантеса и Гамлетом Шекспира. Понятия сумасшествия и самости составляют ядро понятия безумия в гоголевской повести. На периферии возникают такие смыслы, как мотив «высокого» безумия и сниженного гамлетизма. Эти смыслы, включенные в испанский контекст, рожают ближе к концу повести тему испанской инквизиции, являющуюся своеобразным конденсатором, вбирающим в себя испанские аллюзии «Записок». Жизнь Поприщина оказывается движением к инквизиционному суду, т.е. к сумасшедшему дому, что в контексте повести одно и то же. С помощью испанской тематики Гоголь изображает абсурд русского бытия.

Таким образом, выстраивается следующая структура семиосферы: в центре ее находится Поприщин как автор записок и своеобразный летописец этой семиосферы. Рядом с ним, очень близко к ядру семиосферы находится и его окружение: начальник отделения, «его превосходительство», Софи. Значимым здесь становится то, что ядро составляют люди, которые по своей внутренней сущности должны находиться либо на периферии, либо вообще за границей семиосферы, т.к. ее ядро обычно составляют наиболее ценные социальные группы, к которым нельзя отнести никого из указанных героев. Поприщин – сумасшедший, а сумасшедшие имеют пограничный статус и находятся на границе, отделяющей внутреннее пространство (в данном случае это пространство семиосферы безумия) от внешнего. Его мир соотносим со «смеховым антимиром» Древней Руси. Становясь разоблачителем «его превосходительства» и Софи, Поприщин приобретает черты древнерусского дурака, высмеивающего, обнажающего и разоблачающего окружающих. Его поведение – это антиповедение, нарушение установленных норм; его одежда необычна (Поприщин кроит из вицмундира мантию). Прозрение Поприщина сопрягает «антимир» и норму, очеловечивает семиосферу.

Раздел **1.5. «Тема испанской инквизиции как выражение абсурдности российской действительности»** актуализирует все испанские аллюзии повести и связывает их с образом абсурдной России, возникающим в «Записках». Испанская тематика в «Записках сумасшедшего» имеет несколько слоев. Первый слой – многочисленные упоминания реалий испанской действительности: капуцинов (в черновике: «бритых грандов»), Мадрида, Филиппа II, инквизиции. Сам образ Испании в контексте повести ассоциируется, прежде всего, с мотивом безумия. Это второй слой испанской тематики повести. С ним связан мотив «высокого» безумия и проблема

миражного существования, характерная для гоголевского героя, превратившегося в испанского короля Фердинанда VIII. И, наконец, четвертый пласт – тема испанской инквизиции, возникающая в конце повести и являющаяся своеобразным конденсатором, вбирающим в себя все испанские аллюзии «Записок». Возникая в конце повести, тема испанской инквизиции, вписанная в контекст «Арабесок» своей связью со статьей «О средних веках», где Гоголь высказал свое мнение об инквизиции вообще, является одним из важных смысловых аспектов «Записок». Она вызывает ассоциации с современной действительностью, где любое инакомыслие воспринимается как ересь и жестоко наказывается. Поприщин, постигший в своем безумии высшие общечеловеческие ценности, выбивается из нормы, он не вписывается в четко отлаженную государственную систему, а поэтому должен быть объявлен сумасшедшим и заточен в сумасшедший дом. В результате в повести возникает образ России как одного большого заседания инквизиционного суда во главе с III отделением (по тексту – великим инквизитором). Ситуация, сложившаяся в России в 30-е годы XIX века, характеризуется Гоголем как ненормальная, абсурдная ситуация судилища, после которого Россия оказывается в адском мраке чинов. Гоголь делает испанскую тематику символично-философской.

Главные задачи *второй главы «Записки сумасшедшего» в контексте русской литературы первой трети XIX века и европейской литературной традиции*: максимально выявить источники, которые лежат в основе повести, и рассмотреть отзвуки «Записок» в литературе 1830-х годов, опираясь на выделенные в первой главе особенности семиосферы безумия. Несмотря на небольшой объем, повесть содержит немало источников, как русских (например, «Горе от ума» и басни Крылова), так и европейских (Шекспир, Сервантес, Гофман). Кроме того, значимой является и общественно-историческая ситуация, объясняющая появление в повести испанской тематики и причины популярности темы сумасшествия в 30-е годы.

Раздел *2.1. «Специфика жанра «записок» и особенности нарратива в литературе 1830-х годов»* посвящен рецепции жанра «записок» в творчестве Сенковского, Гофмана, Одоевского и Баратынского. Каждый из них по-своему использовал эту форму: для Сенковского в «Записках домового» важным был занимательный сюжет, т.к. его повесть прежде всего беллетристическая. Повествование ведется от лица рассказчика–домового, который не наделяется самосознанием и рефлексией. Повесть Сенковского интересна как один из вариантов использования формы «записок». Роман Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра», скорее всего, подсказал Гоголю форму «клочков из записок» в их человеческом варианте (биография Крейсера) и в зооморфном (Мурр).

Наиболее близкой к «Запискам сумасшедшего», и даже в определенной мере вступающей с ними в диалог, является повесть Одоевского «Сильфида».

Уже на жанровом уровне прослеживается значительное сходство: в центре – обыкновенный человек, который, по мере своего прозрения, начинает обретать самосознание и рефлексию. Но в данном случае автором записок является не он, а его друг, «благоразумный человек», в записках которого имеет место цитирование дискурса героя. Повесть также содержит датировку, хотя не столь подробную, как у Гоголя, отрывки из журнала героя и вставные эпистолярные конструкции, т.к. генезис «записок» в данном случае восходит к эпистолярному роману.

Форма «записок» встречается и в романе «Русские ночи», включающем в себя два типа записок, которые состоят из повестей о «гениальных безумцах». Такое использование формы «записок» не нарушает специфику жанра: в центре оказываются самосознающие герои, эволюцию которых и отражают записки. «Отрывок из записок Ириней Модестовича Гомозейки» – еще один вариант «клочков из записок».

Повесть Баратынского «Перстень» – один из вариантов повестей о сумасшедших самосознающих героях, живущих в «миражном» мире и стремящихся понять свое предназначение. «Перстень» содержит вставную конструкцию, жанр которой сам Баратынский определяет как повесть. Однако она содержит характеристики «клочков из записок»: незаконченное повествование от первого лица, автор которого – самосознающий герой.

Таким образом, сама форма гоголевских «Записок» актуализировала тему становления и развития самосознания «маленького человека» и открывала новые пути антропологической рефлексии.

В разделе **2.2. «Реальное или мнимое сумасшествие героя как способ познания истинных ценностей бытия»** представлены различные виды сумасшествия, характерные для героев произведений 1820-1830-х годов, оказавших влияние на «Записки». Проблема сумасшествия и прозрения героя распадается на две взаимосвязанные проблемы: 1) мнимо сумасшедший герой, не вписывающийся в рамки общественного поведения и потому объявленный сумасшедшим; 2) сумасшедший герой, живущий в вымышленном мире. К первой группе произведений относятся «Горе от ума» Грибоедова и «Апология сумасшедшего» Чаадаева. Комедия Грибоедова, как и «Записки сумасшедшего», актуализирует глобальную проблему границы между нормальностью и сумасшествием. Ведь в действительности Поприцин и Чацкий не безумцы, их суждения в высшей степени отвечают критериям здравого смысла, но мир, окружающий их, безумен. Однако в начале повести поведение Поприцина указывает на молчалинскую философию жизни. Уже сама номинация героя – Молчалин – напоминает поприцинский рефрен: «молчание, молчание». Но ближе к середине повести (после обнаружения собачьей переписки), он начинает более походить на Чацкого, чем на Молчалина, сопрягая в своей судьбе биографию Платона Горича. Гоголевский герой прорывается сквозь свое молчание и выходит за пределы служебного поприща на духовное. Обретя духовное поприще, он

генетически вбирает в себя грибоедовскую тему «горя от ума». «Апология сумасшедшего» Чаадаева становится жизненным постскриптумом к «Запискам сумасшедшего».

Ко второй группе относятся произведения Одоевского, Киреевского и Баратынского, в которых самосознающий герой, живущий в «миражном» мире и познающий там истинные ценности бытия, оказывается не способным воплотить их в жизнь в реальном мире. Такова судьба Михаила Платоновича в «Сильфиде», обретшего в иллюзорном мире свое духовное поприще и ставшего творцом неведомого доселе искусства. Грубо исторгнутый своим другом из этого высшего мира, герой становится таким же благоразумным человеком, как и его друг. Поэтому меняется его номинация: не Михаил Платонович, а Платон Михайлович, своеобразный Платон русской провинции. В этом плане повесть Одоевского вступает в диалог с повестью Гоголя. В «Записках сумасшедшего» дана история благоразумного человека, который стал сумасшедшим, тогда как у Одоевского, наоборот, история сумасшедшего, который стал благоразумным. Поприщин, подобно Михаилу Платоновичу, обрел высшее знание, но он не отрекся от него, как бы его ни мучили в лечебнице. В этом заключается главное отличие повестей: герой Гоголя не спешит снова становиться благоразумным, в сумасшествии все более растут его честолюбивые устремления.

В романе «Русские ночи» также присутствует тема «миражного» существования, сумасшествия и прозрения героя. Молодой человек в «Дневнике экономиста», Киприяно в «Импровизаторе» постигли истинную правду жизни, но, оказавшись не готовыми к ней, не выдержали, и результатом их прозрения явились смерть и сумасшествие. В обеих повестях в той или иной мере присутствует проблема познания, губительная для героев. И Гоголь, и Одоевский решают проблему, поставленную Одоевским в предисловии к «Русским ночам»: они показывают драму обычного человека. Киприяно, постигнув высшую истину бытия, теряет рассудок, ему нет спасения. Поприщин же слышит, как «струна звенит в тумане», он слышит музыку самой жизни, и она спасает его. Только музыка, по мнению Гоголя, способна вернуть людям утраченную гармонию. Здесь будет уместно сказать несколько слов о «гениальных безумцах» из «Русских ночей»: Бетховене и Бахе, которые более всех заслуживали гармонии, но так и не смогли обрести ее, т.к. их жизни была полностью посвящена служению искусству и лишена самого главного – самой жизни.

Ситуацию утраты «миражного» мира встречаем в повестях Баратынского и Киреевского. Киреевский и Баратынский работали над повестями с 1830 по 1831 годы. Они должны были быть опубликованы в «Европейце» и восприняты читателями как взаимосвязанные. «Перстень» Баратынского и «Опал» Киреевского актуализируют тот же комплекс проблем, что и «Записками сумасшедшего», «Сильфида»: несоответствие между мечтой и действительностью, прозрение героя, находящегося в «миражном» мире и

обретение им истинного знания о мире, невозможность постоянного существования в этом высшем мире. Повести Баратынского и Киреевского раскрывают две грани «миражного существования»: его гибельность, трагичность для героя, реабилитация «жизни действительной» у Баратынского и истинность, необходимость обретения «миражного» мира у Киреевского. Соотношение «Записок сумасшедшего» с этими произведениями отчетливее выявляет философский потенциал гоголевской повести.

В разделе 2.3. *«К вопросу о генезисе зооморфизма в «Записках сумасшедшего»* выделены основные источники собачьего сюжета повести. Вопрос о генезисе зооморфизма (и в частности, собачьего сюжета) в «Записках сумасшедшего» достаточно сложен и включает в себя разнородные источники, как русские, так и европейские. И, прежде всего, один из важных российских источников – это басни И.А. Крылова, в которых зооморфные мотивы играют ведущую роль. Обращение к творчеству Крылова в контексте разговора о Гоголе станет еще более правомерным, если учесть тот факт, что Гоголь высоко оценил его басни в своей статье «В чем же наконец существо русской поэзии и ее особенность». В контексте гоголевской повести уместно обращение к тем басням, главными действующими лицами которых являются собаки. Особенно значимой становится басня «Две собаки», в которой изображен прообраз Меджи – господская болонка Жужу – пародия на лицемерных карьеристов, готовых «ходить на задних лапках» перед вышестоящими. Крылов, демонстрируя те или иные качества, высмеивает и людей, обладающих этими качествами. Именно это качество зооморфных персонажей, используемое в баснях, актуализируют «Записки»: Поприщин с помощью Меджи узнает многое о жизни среды, в которую он хотел попасть.

Зооморфный, и в частности, собачий сюжет встречаем и в комедии Грибоедова: уподобление людей животным (Софья сравнивает Чацкого со змеей), неразличение людей и животных, связанное с образом Хлестовой, шпиц как способ угодить нужному человеку (Молчалин). Но главным источником эпистолярного собачьего сюжета является роман «Житейские воззрения кота Мурра» Гофмана, а Мурр и Меджи – почти двойники: у них общие темы для рассуждений, они образованны, но все же не способны раздвинуть границы своей звериной сущности. И Гоголь, и Гофман с помощью философии зооморфизма раскрывают пошлость и низменность мира людей. Еще один источник зооморфного сюжета – «Новелла о беседе собак» Сервантеса, цель которого близка гоголевской: прикрываясь маской животного, высказать свои воззрения, и тем самым раскрыть глаза жителям Испании. На более высокой ступени развития, чем вышеуказанные зооморфные персонажи, стоит Берганса Гофмана, под маской которого автор озвучивает эстетические воззрения. Помимо собачьих образов, в основе сюжета о переписке собачек лежит скрытый кошачий сюжет: Мурр,

«Отрывок из записок Ириней Модестовича Гомозейки» Одоевского, «Лафертовская маковница» Погорельского, актуализирующие демонический аспект кошачьего образа.

Таким образом, указанные произведения вполне могли послужить источником значимых для Гоголя аспектов собачьего образа: двойничество людей и зооморфных персонажей (Крылов, Гофман), параллелизм зооморфного и человеческого миров (Гофман), стремление с помощью собачьих образов помочь читателям прозреть (Сервантес).

Раздел **2.4. «Тема абсурда российской действительности в контексте испанской тематики и проблемы сумасшествия»** предлагает несколько вариантов генезиса проблемы абсурда в повести Гоголя и ее связи с испанской тематикой. Проблема абсурда российской действительности отнюдь не является единичным случаем обращения к теме абсурда российской жизни той эпохи. Абсурд связан с испанскими аллюзиями повести, генезис которых восходит к «Испанским делам», описанным в «Северной пчеле».¹ Однако существует еще одна точка зрения на проблему генезиса испанской темы в «Записках». М. Вайскопф считает, что она восходит к традиции романтизма (и в частности, к «Дону Карлосу» Ф. Шиллера), включавшей в себя соединение бреда величия с темой испанской инквизиции. К этой линии примыкает сближение с «Северной пчелой».² Кроме того, еще в 1832 году синтез экзотической Испании и безумия, дополненный мистицизмом, пародировался Е.А. Баратынским в рассказе «Перстень». В этом же втором номере «Европейца» была помещена статья «Современное состояние Испании», переведенная П.В. Киреевским. Статья рисовала мрачную картину безнадежного упадка страны, во главе которой находится правительство всемогущее во зле и бессильное в добре, здесь абсурд пропитал все слои государственного устройства. «Город без имени» Одоевского, входящий в роман «Русские ночи», являет собой полемику с абсурдными, по мнению автора, философскими взглядами И. Бентама, проповедующего принцип «полезного» мироустройства. Апогеем проявления абсурдности становится созданная в Некрополисе «Апология сумасшедшего» Чаадаева, где сумасшедший, по мнению властей, человек пытается выразить взгляды на социально-политическое устройство России.

Таким образом, российская действительность 1830-х годов воспринималась писателями как абсурдная, алогичная, требующая скорейшей реконструкции. Для выражения этих идей они использовали разные формы: журнальная статья (Киреевский), философская повесть (Одоевский), «философические письма» и апология (Чаадаев), записки сумасшедшего чиновника (Гоголь). Но во всех указанных произведениях

---

¹ Об этом см.: Золотусский И.П. «Записки сумасшедшего» и Северная пчела// Золотусский И.П. Час выбора. – М.: Современник, 1976. – С.205 – 230

² Об этом см.: Вайскопф М. Беглец и судья// Вайскопф М. Сюжет Гоголя. – М.: Радикс, 1993. – Гл.6. – С.290.

неизменной оставалась одна ключевая мысль: социально-политическое устройство России абсурдно, т.к. построено на принципе личной выгоды (Одоевский), губительно для людей почти так же, как испанское (Киреевский), а потому оно требует скорейшего изменения с учетом опыта запада и востока (Чаадаев). И своеобразным конденсатором всего этого комплекса идей явились «Записки сумасшедшего», рисующие трагедию постигнувшего весь этот абсурд, и потому объявленного сумасшедшим, героя.

В качестве постскриптума к главе выступает раздел *«К вопросу о пушкинских мотивах в «Записках сумасшедшего»*, где выявлена общность произведений Пушкина 1830-х годов («Медный всадник», «Пиковая дама», «Не дай мне бог сойти с ума», «Странник») с «Записками сумасшедшего». В своеобразных «Петербургских повестях» Пушкина («Медный всадник» и «Пиковая дама») можно выделить два ключевых аспекта, значимых для гоголевской повести: тема Петербурга и тема сумасшествия. Евгений и Германн выражают разные аспекты образа Поприщина: «маленький человек», обретший самосознание и взбунтовавшийся против абсурдного мироустройства; честолюбец, возмнивший себя королем и вершителем судеб своих «подданных», и как следствие всего вышеуказанного – сошедший с ума, не выдержав столкновения с абсурдной петербургской действительностью.

Еще один аспект темы сумасшествия как поведенческого текста представлен в стихотворениях Пушкина 1830-х годов «Не дай мне бог сойти с ума» (1833) и «Странник» (1835), написанных в форме исповеди, самонаблюдения и лирического романа. Пушкин, как и Гоголь, воспринимает проблему сумасшествия как драму пробудившегося сознания, трагическую ситуацию оставления предначертанного поприща и перехода в псевдосвободное состояние. Сумасшествие уже не способно принести свободу угнетенному или творческому человеку, напротив, оно только еще больше гнетет его, потому что оказавшись в сумасшедшем доме, человек в глазах окружающих утрачивает свой человеческий облик и становится похож на запертого в клетку зверя. Стихотворение «Странник» можно назвать пушкинской рецепцией «Записок сумасшедшего», т.к. в период работы над ним поэт несомненно был знаком с повестью Гоголя. В основе стихотворения – прозаическая проповедь «Путь паломника» английского писателя-проповедника эпохи английской революции XVII века Джона Беньяна. «Странник» можно назвать итоговым произведением Пушкина, выросшим из «Записок сумасшедшего», т.к. в нем актуализируются значимые для гоголевской повести мотивы: сумасшествие как постижение героем истинных ценностей бытия и как следствие – конфликт с окружающими; образ сумасшедшего дома как тюрьмы, где томятся псевдосумасшедшие; мотив восхождения на духовное поприще и верность обретенным идеалам; и наконец, мотив бегства как единственно возможного выхода из плена

безумия, который, однако, не спасает героев. В период работы над стихотворением Пушкин приходит к вполне гоголевским выводам: окружающая действительность абсурдна, потому что ущемляет свободу личности и единственный выход из сложившейся ситуации – бегство.

Таким образом, во второй главе выделены наиболее значимые для эпохи 1830-х годов аспекты «Записок сумасшедшего», прослежен их генезис и преломление в творчестве как зарубежных, так и отечественных писателей.

Третья глава «Гоголевская рецепция в произведениях писателей натуральной школы» посвящена рассмотрению «Записок» в контексте антропологических концепций 1840-х годов и опытов представителей натуральной школы. Гоголь определил развитие и движение антропологизма, который во многом противостоял физиологическим очеркам, столь популярным у большинства представителей натуральной школы. Проблема противостояния человека и среды, являющаяся ведущей в литературе 1840-х годов, и движение к антропологизму актуализируют восприятие «Записок сумасшедшего» как повести, в центре которой находится самосознающий герой. Вся повесть воспринимается как акт самосознания «натурального» человека, не поработанного средой, а выпавшего из нее и обретшего «духовное» поприще. Путь от физиологии к антропологизму и романному типу героя подсказан во многом гоголевской повестью.

Цель раздела *3.1. «Жанр «записок» в трактовке представителей натуральной школы»* – выявить специфические черты использования формы «записок». Эта форма, используемая Гоголем для изображения рефлектирующего героя, широко применялась и в произведениях писателей натуральной школы, однако здесь она получила несколько иную трактовку. Здесь важными оказываются две категории: антропологизм и автобиографическая проза: «Записки студента» Гребенки, «Записки одного молодого человека» Герцена и повесть «Из записок человека» Галахова. В центре указанных повестей – самосознающий герой и форма «записок», которая выражает, через способность героя к письму, его рефлектирующее сознание. Однако в произведениях представителей натуральной школы встречаем еще один вариант восприятия формы «записок»: в центре находится несамосознающий герой («Раздел имени. (Из записок благонамеренного человека)» Панаева и «Записки черной шелковой шляпы» Корфа), чьи записки становятся отражением ограниченности мышления. Вставными элементами становятся уже не фантастические «письма собачек» (плод большой фантазии героя), а реальная переписка людей либо отрывки из дневника героя. «Записки» в трактовке представителей натуральной школы являются полижанровым образованием, вбирающим в себя черты реалистической, мемуарной и очерковой прозы, однако их жанрообразующей чертой в творчестве Герцена, Галахова и отчасти Гребенки становится наличие самосознающего главного героя.

В разделе 3.2. *«Особенности нарратива как способ выражения специфики самосознающего героя»* выявлена типология рассказчиков и характерные черты их повествовательных типов. В «Разделе имения» герой-рассказчик полностью погружен в мир материального быта и выражает ограниченную, присущую этому миру точку зрения. Дмитрий Иванович в «Верном лекарстве» даже после своего сумасшествия остается обывателем, его сумасшествие не походит на поприщинское, не раздвигает границы сознания. В начале повести «Записки студента» повествование ведется от лица эксплицитного автора. Но когда возникает фигура главного героя, Якова Петровича, повествование наполняется его рефлексией и переживаниями. К Якову Петровичу приближается и автобиографический герой «Записок человека» Галахова.

В произведениях Герцена встречаем более сложное сочетание нарративных типов. Сначала повествование ведется от лица Молодого человека, который может быть отождествлен с самим автором. Он описывает свое становление, самоопределение. Но в главе «Юность» Герцен вводит образ Нашедшего тетрадь, и с этого момента начинается отмежевание автора от героя. И, наконец, в «Годах странствий» герой постепенно становится полной противоположностью автора, а к авторской позиции приближается Нашедший тетрадь. Есть еще один рассказчик, чей монолог включен в мемуары Молодого человека – Трезинский. В «Докторе Крупове» представлен только один рассказчик, однако герой эволюционирует в течение повести, а вместе с ним меняются и его записки. Таким образом, анализ нарративной типологии повестей показывает, что в творчестве представителей натуральной школы встречается главная характеристика формы «записок», унаследованная от Гоголя: в произведениях Герцена, Галахова, Гребенки повествование ведется от лица самосознающего рассказчика.

В разделе 3.3. *«Тип героя-обывателя и тип героя с рефлектирующим сознанием в контексте обстоятельств»* прослежено движение представителей натуральной школы к такому типу героя, который бы полностью отвечал их антропологическим установкам. И хотя Гоголь уже наметил основные черты самосознающего героя в «Записках сумасшедшего», вхождение его в литературу 1840-х годов произошло не сразу. Путь к такому герою лежал через повести с элементами физиологического очерка Панаева, через повести Гребенки о самосознающем, но подавленном обстоятельствами герое («Записки студента») и герое, обретшем слишком поздно прозрение и самосознание («Верное лекарство»), к произведениям Герцена и Галахова, где автобиографические герои, наделенные самосознанием и рефлексией, все же оказываются не способными противостоять обстоятельствам. Сознание героя в начале «Записок одного молодого человека» вбирает в себя различные пласты мировой культуры и моделирует свой миробраз. По Герцену, его жизнь равноценна мировой истории, т.к. история формирует

сознание героя, поэтому жизнь приобретает универсальный характер. Молодой человек открыт всему новому и готов к активной деятельности, стремится быть полезным. Он мыслит такими универсальными категориями как дружба, любовь, честь, служение обществу. Но в третьей части его сознание сужается до пределов провинциального городка, не может отражать универсум, обрести целостное видение мира. Мышление Молодого человека задавлено провинциальными штампами восприятия, и на звание универсального начинает претендовать сознание Трезинского.

Другой тип сознания изображен в «Докторе Крупове». Крупов – пожилой врач-материалист. Он не наделен какими-либо задатками неординарной или избранной личности, однако ему дано видеть то, что окружающие не замечают. Тема сумасшествия появляется в «Докторе Крупове» в связи с образом Левки, который подтолкнул Крупова к изучению сумасшедших. Крупов проходит эволюцию от начала к концу повести. Вначале он лишь констатирует факты из жизни провинциальных обывателей, ища основания для своей теории. Но постепенно границы его сознания расширяются, ему становится тесно в этом маленьком провинциальном городке, где уже все изучено. Герой выходит на общемировой уровень исследования, тем самым приближаясь к гоголевскому Поприщину и обретая человеческие черты, преодолевая сухость своего повествования. Еще один аспект образа Поприщина – безумие – встречаем у другого герценовского героя – Левки, не способного адекватно воспринимать происходящее и делать соответствующие выводы. Этой способностью наделен Крупов, который посвоему выражает гоголевскую и герценовскую идею всемирности.

Представителей натуральной школы волнует проблема взаимоотношения человека (самосознающего героя, который оказывается в центре произведений) и окружающей его среды, его возможность либо невозможность противостоять ее тлетворному влиянию и отказаться от предназначенного ею поприща. Значимой становится и категория сумасшествия (прежде всего, для Герцена); но сумасшествие уже не столько прерогатива самого героя, сколько окружающего его мира.

В этом контексте возникает раздел **3.4. «Тема абсурда российской действительности в 1840-е годы: отзвуки испанских мотивов и образов»**. Испанская тематика, столь популярная в 30-е годы, не утрачивает своей актуальности и в 40-е, довольно часто появляясь на страницах «Современника» и «Отечественных записок». Однако в прозаических опытах писателей натуральной школы зооморфизм и испанская тематика отходят на второй план, и если появляются в произведениях, то только для создания сатирического эффекта либо для усиления темы абсурда. Теперь значимой, особенно для Герцена, становится проблема сумасшествия и абсурдности всей вселенной, отголоски этих идей слышатся уже в «Записках одного молодого человека» и находят свое развитие в «Докторе Крупове». Исследуя всемирную историю, герой приходит к выводу, что она абсурдна и безумна.

В повести возникает и тема инквизиции, которая несет в себе схожую с «Записками сумасшедшего» семантику: вхождение этой темы в текст повести, связь инквизиционного суда и сумасшедшего дома.

Таким образом, исследование гоголевской традиции в произведениях писателей натуральной школы идет в основном в следующих направлениях:

1. Различные жанровые модификации формы «записок» в основе своей содержат специфические особенности гоголевских «Записок»: у жанра нет четких канонов, поэтому он легко варьируется и может включать в себя в качестве «вставных конструкций» элементы других жанров.

2. В рамках натуральной школы, и в особенности в произведениях Герцена, идет усиление антропологического начала, основы которого заложены в «Записках сумасшедшего». Уже сама жанровая характеристика произведений указывает на то, что в центре должен быть самосознающий герой, каким он и предстает (в меньшей степени в повестях Панаева и Гребенки, и в большей – в произведениях Герцена).

3. Гоголевские аллюзии возникают и в связи с выделенными уровнями анализа. Для изучения каждого из уровней привлекались те произведения, в которых наиболее наглядно представлены особенности уровня.

Обратившись к рецепции «Записок сумасшедшего» Гоголя в литературе натуральной школы, мы прежде всего рассматривали ее как важную и плодотворную традицию, во многом существующую параллельно и взаимосвязано с восприятием «Шинели». И в этом смысле писатели 1840-х годов могли бы к известному апокрифу «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» добавить: «и из “Записок сумасшедшего”».

Тип самосознающего «маленького человека», ставшего Человеком и сошедшего со своего поприща, полисинтетизм жанровой природы «Записок» и своеобразие нарративной стратегии, проявившейся в чередовании «натурального» и фантастического, логически выверенного и абсурдно непредсказуемого, поэтика гротесково-гиперболического стиля – все эти гоголевские уроки обогащали феномен русского «натурализма» как антропологизма романного типа и предвосхищали открытия великих русских романистов.

В **заключении** подводятся итоги исследования и намечаются дальнейшие перспективы работы. Проблема историко-литературного фона не исчерпывает всей многозначности «Записок». Это лишь один из аспектов изучения повести, однако для нас он является знаковым, так как позволяет вписать ее в общемировой литературный и исторический контекст. Несмотря на малый объем, повесть обладает огромной смысловой насыщенностью, являясь органичной частью не только гоголевских поисков периода «Арабесок», но и конденсатором литературно-философских взглядов эпохи. В этом смысле ее литературный фон полисемантичен: журналистика, русская и европейская романтическая повесть, комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума», роман Сервантеса «Дон Кихот», «Апология сумасшедшего» П.Я.

Чаадаева, творчество представителей натуральной школы. «Записки» органично вписаны и в контекст гоголевского творчества, начиная «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и заканчивая «Мертвыми душами». Этот фон не исчерпывает всех источников гоголевского замысла и не свидетельствует о вторичности и подражательности повести. «Записки сумасшедшего» – акт самосознания маленького человека в атмосфере русского абсурда. Не случайно, формируя в 1842 году структуру третьего тома своих повестей, Гоголь ставит «Записки» в конце, после написанной позже «Шинели» и непосредственно перед «Римом». Для него это – прорыв героя жизни в саму жизнь, в большой Мир человеческого бытия, во Всемир.

В качестве **перспектив** предпринятой работы отмечены следующие аспекты проблематики:

1. Рецепция «Записок» не заканчивается натуральной школой. Дальнейшее развитие связано, прежде всего, с творчеством Ф.М. Достоевского: «Записки из Мертвого дома» и «Записки из подполья». Значимым становится само понимание специфики формы. Как и у Гоголя, у Достоевского форма «записок» – полижанровое образование, включающее в себя в качестве вставных конструкций элементы физиологического очерка, автобиографии, исповеди, рассказа, фельетона («Записки из Мертвого дома»). Но неизменным остается наличие самосознающего повествователя, автора записок.

2. Еще один вариант «Записок сумасшедшего» представлен в одноименной повести Толстого. Уже само заглавие указывает на связь с Гоголем. Пройдя через страх смерти и обретя с помощью религии истинные человеческие ценности, герой уже не может жить как прежде, а все считает его сумасшедшим. Это отчасти автобиографическое произведение, и записки здесь становятся познанием себя в форме объяснения, подведением определенного нравственного итога. Генезис «записок» в повести восходит к исповедальному и проповедническому началам. Записки у Толстого – фиксация обретенного душевного опыта, прояснение его в мысль, в слово, всеобъемлющее и итоговое.

3. Дальнейшее развитие темы сумасшествия и прозрения героя, вызванного абсурдом действительности, – в повести А.П. Чехова «Палата № 6». Эта повесть актуализирует тот же комплекс проблем, что и «Остров Сахалин»: люди, находящиеся в неволе за решеткой, то ту сторону жизни, и видящие ее изнанку: унижение, страдание, духовную и телесную нечистоту. История доктора Рагина – чеховская вариация на тему гоголевских «Записок сумасшедшего», рассмотренная сквозь призму «Доктора Крупова» Герцена.

4. В XX веке аллюзии «Записок сумасшедшего» встречаем в мемуарной публицистике послереволюционных лет: тема бреда становится лейтмотивной для «Окаянных дней» И. Бунина, «Петербургских дневников» З. Гиппиус, «Взвиренной Руси» А. Ремизова; в «Собачем сердце», «Записках на манжетах» и «Дьяволиаде» М.А. Булгакова абсурд бытия

является сквозным мотивом; в творчестве А.М. Ремизова, а в частности, в его романах о чиновниках, которые соотносимы почти со всем творчеством Гоголя, начиная «Миргородом» и заканчивая «Мертвыми душами». Форма «записок» встречается и в антиутопии Е. Замятина «Мы», а все творчество М.Зощенко и Д. Хармса можно назвать «Записками сумасшедшего», в которых изображен абсурд советской действительности.

Проекцию на повести Гоголя можно найти и в литературе второй половины XX века, в творчестве А.Д. Синаевского, чьи повести о современных «маленьких людях» («В цирке», «Ты и я», «Пхенц», «Любимов») синтезируют основные мотивы «Записок», накладывая их на жизненный материал XX века. И, наконец, в XXI веке в постмодернистской литературе также часто встречаем гоголевские аллюзии, например, в романе «Чапаев и Пустота» В. Пелевина.

**Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях:**

1. Скрипник А.В. Специфика жанра «записок» в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя и «Сильфиде» В.Ф. Одоевского // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 306. Январь. – С. 15-17.
2. Скрипник А.В. «Записки одного молодого человека» А.И. Герцена в свете гоголевской традиции // *Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации*. 2006. № 84. Август. – С. 63-68.
3. Скрипник А.В. Проблема сумасшествия героя и истинного знания в повестях Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и В.Ф. Одоевского «Сильфида» // *Материалы X Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование»*. Т. 2. Ч. 1. – Томск, 2006. – С. 105-109.
4. Скрипник А.В. Семантика испанской инквизиции в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя // *Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века»*. Т. 2. – Красноярск, 2006. – С. 197-199.
5. Скрипник А.В. Содержательная природа формы «записок» и ее рецепция в литературе 1830-х годов (На материале повестей Н.В. Гоголя, О.И. Сенковского, В.Ф. Одоевского) // *Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»*. Дополнительный сборник. – Новосибирск, 2006. – С. 156-158.
6. Скрипник А.В. Гоголевские рецепции в литературе XX века: «Собачье сердце» М.А. Булгакова // *Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации»*. Ч. 7. – Новосибирск, 2006. – С. 187-188.

7. Скрипник А.В. Проблема миражного существования героев в повестях Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и Е.А. Баратынского «Перстень» // Материалы XLV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Литературоведение. – Новосибирск, 2007. – С. 24-26.
8. Скрипник А.В. Жанровая модификация «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя в творчестве А.И. Герцена // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения». Вып. 7. Ч. 2. – Томск, 2007. – С. 151-156.
9. Скрипник А.В. Полемика с болгаринской философией благоразумия в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Научное творчество молодежи». Ч. 3. – Томск, 2007. – С. 73-76.
10. Скрипник А.В. Семантика мотивов мученичества и юродства в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя // Материалы IV научно-методической конференции «IV Пасхальные чтения. Гуманитарные науки и православная культура». – М., 2007. – С. 192-196.
11. Скрипник А.В. Роман Э.-Т.-А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» и его связь с нарративной структурой «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя // Сборник докладов VII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры». Ч. 1. – Томск, 2007. – С. 33-35.
12. Скрипник А.В. Проблема «высокого безумия» в романе М. де Сервантеса «Дон Кихот» и повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Материалы VII российской научно-практической конференции-конкурса преподавателей, аспирантов, студентов вузов и учащихся старших классов альтернативных учебных заведений «Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей». Ч. 1. – Томск, 2007. – С. 153-156.
13. Скрипник А.В. Проблема самопознания в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя и «Импровизаторе» В.Ф. Одоевского // Материалы IV межвузовской научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация». – СПб., 2007. – С. 289-291.
14. Скрипник А.В. «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя как рецептивный аспект в поэтике натуральной школы // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения». Вып. 8. Ч. 1. – Томск, 2008. – С. 195-199.